

В.И. Баранов

[Горький и смерть]

Из главы I «С целью лишить жизни»

14 декабря 1887 года в казанской газете «Волжский вестник» появилась заметка следующего содержания:

«12 декабря, в 8 часов вечера, в Подлужной улице, на берегу реки Казанки, нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков... выстрелил из револьвера себе в левый бок, с целью лишить себя жизни. Пешков тотчас же отправлен в земскую больницу, где, при подании ему медицинской помощи, рана врачом признана опасной. В найденной записке Пешков просит никого не винить в его смерти».

Репортер не совсем точен в передаче содержания предсмертной записки вышеозначенного нижегородского цехового.

«В смерти моей, — писал тот, — прошу обвинить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце. Прилагаю при сем мой документ, специально для сего случая выправленный. Останки мои прошу взрезать и рассмотреть, какой черт сидел во мне за последнее время. Из приложенного документа видно, что я — А. Пешков, а из сей записки, надеюсь, ничего не видно. Нахожусь в здравом уме и полной памяти. А. Пешков. За доставленные хлопоты прошу извинить».

Итак, даже в последний миг, прежде чем направить в сердце дуло старого револьвера, купленного по дешевке специально для этой цели на базаре, Алексей Пешков позволил себе роскошь иронической усмешки над тем, что происходит в этой странной, совсем не так, как надо, устроенной жизни. Жизни, порождающей «зубную боль» в совсем молодом еще и крепком сердце, — не без помощи сочинителей вроде Генриха Гейне... И если б выстрел был более точен, никто бы в мире никогда не узнал, что покончил с жизнью не только Алексей Пешков, но что был убит человек феноменальной природной одаренности — писатель Максим Горький, автор гениальной пьесы «На дне»...

Разве мог он предположить тогда, что всего лишь через десять лет, сразу после выхода первой его книги рассказов и очерков в двух томах, начнет он стремительно набирать такую славу, какой не видывал еще ни один писатель во всем мире?!

Первые переводы Горького на иностранные языки последовали уже в 1899 (восемь произведений на семи языках). А дальше переводы посыпались как из рога изобилия. С 1901 хлынули издания на английском, немецком, французском, испанском, итальянском, норвежском, шведском, чешском, словацком, венгерском, хорватском, польском, эстонском, грузинском, армянском и других языках.

Более того, стали выходить многотомники. Так, на немецком языке начинают издаваться избранные рассказы в шести томах (напомним, что автор вступил в возраст Христа, и по нынешним меркам неизвестно, дорос ли уже до права называться молодым писателем). Успех издания был столь ошеломляющим, что не просохла еще типографская краска шеститомника Дидерихса, как другое немецкое издательство в 1903 году начало выпускать избранные сочинения Горького в семи томах, в Чехии — в трех томах, во Франции — в пяти. В Болгарии предпринимают выпуск сочинений в двух томах, но уже в следующем году срочно допечатывают третий том...

Но все это будет позже. А пока на пути к фантастической славе, как ее предварение и, если угодно, условие ее рождения, начинают возникать первые произведения какой-то оглушающе-ярмарочной романтики, страстной апологетики Жизни, активного отношения к ней — во имя ее же усовершенствования.

Может быть, один из главных парадоксов всей горьковской биографии состоит в том, что, пожалуй, попытка самоубийства и преодоление кризиса, толкнувшего на нее, пробудили и активнейшее, яростное противодействие «свинцовым мерзостям жизни»,

и утверждение ее величия и красоты. И — к столь же яростному отрицанию любых устремлений хоть как-то опозитизировать Смерть.

В самом начале творчества, в 1892 году, вслед за первым рассказом «Макар Чудра» он пишет программное произведение «Девушка и Смерть», — сказку, которую не удалось напечатать «по цензурным условиям». Ту самую сказку, которую спустя почти сорок лет похвалит — да еще как! — сам великий вождь всех трудящихся, сказав, что эта «штука» сильнее, чем «Фауст» Гете. (Забегая вперед, заметим, что у Вождя были свои чисто индивидуальные представления не только о власти Смерти над человеком, но и о власти человека над смертью. Разумеется, подобным даром мог быть наделен только исключительный человек...)

Конечно же, сказка дебютанта ни в какой мере не претендует на то, чтобы состязаться с замечательным созданием классика немецкой литературы. Но она очень важна для понимания горьковского мироощущения.

Между тем как раз в ту пору, на рубеже веков, в буржуазном обществе нарастали разочарование в жизни, пессимизм. В кругу рафинированной художественной интеллигенции рождается своего рода культ Смерти.

Страстным пером публициста написана статья «Поль Верлен и декаденты» (1896). Молодой журналист «Самарской газеты» обрушивает свой гнев на тех парижан, что идут в «Кабачок смерти», где, «сидя в гробах, заменяющих столы, и попивая пиво из черепов, играющих роль бокалов», предаются псевдофилософским разглагольствованиям, свидетельствующим о «крайнем отупении нравов».

Позднее, в 1912 году, живя на Капри, Горький напишет рассказ на тему «Юноша и смерть». Только назовет его «Случай из жизни Макара». Рассказ этот воспроизведет обстоятельства, толкнувшие его в восемнадцатилетнем возрасте на шаг, который он потом осудил решительно:

«Покушался на самоубийство, мне очень стыдно вспоминать об этом, и оправдания этой глупости я не нахожу».

Признание такое возникло в пору реакции, о которой сейчас предпочитают не вспоминать. Между тем Россию тогда охватила буквально эпидемия самоубийств, о чем несомненно говорила пресса. В статье «Издаека», написанной в том же 1912 году, Горький отмечал:

«Эпидемия самоубийств среди молодежи — в тесной связи с теми настроениями, которые преобладают в литературе, и часть вины за истребление молодой жизни современная литература должна взять на себя».

Не таков ли герой одной из «Русских сказок» поэт Смертяшкин, в котором современники без труда узнали Федора Сологуба? Он всячески стремился внушить читателю, что «жизнь — только миг, большой и краткий, а смысл ее — под крышкой гроба...»

Страстный жизнелюб, Горький активно протестует против любых форм насилия над личностью, и в первую очередь против таких, что ведут к гибели человека. В этом пафос цикла его статей «Несвоевременные мысли», опубликованных в 1917–1918 в газете «Новая жизнь», в которых он полемизирует с захватившими власть большевиками, выступает в защиту великих ценностей отечественной культуры.

С годами, уже как художник-философ, умудренный громадным жизненным опытом, он невольно все чаще задумывался о тайне небытия. Нет, он не боялся смерти — ни естественной, ни насильственной. Без всякого самолюбования признавался близким:

«Страха я не знал никогда».

Не испытал он страха даже в момент покушения на него в родном Нижнем... В конце 1903 года анонимным письмом некто предложил встретиться на волжском откосе. Там к Горькому подошел неизвестный и, удостоверившись, что перед ним тот, кто нужен,

ударил его ножом в грудь. Слава Богу, нож наткнулся на каповый портсигар. Но удар был такой силы, что свалил Горького на колени. После непродолжительной схватки писатель сбросил незадачливого террориста с откоса вниз...

В письме Пятницкому он недвусмысленно давал понять, что к покушению самое прямое касательство имеет полиция, с которой его как революционера связывают «совершенно определенные отношения». Потом он не любил вспоминать этот случай. А ведь жизнь его вновь (и опять на высоком берегу реки) висела на волоске: ежели б удар наймита был чуточку поточнее, чем его собственный выстрел, и нож не попал в портсигар... Как говаривал Джек Лондон, нет Бога, кроме случая...

Так что — еще раз — дело не в боязни смерти. Просто срок бытия на Земле несправедливо мал...

Значительно позже, в 1930-е, Горький беседовал о проблемах жизни и смерти с профессором Н. Бурденко, интересовался возможностями медицины в области продления жизни, говорил о необходимости создания «биологической философии человека». Зависимость физического здоровья человека от состояния его духа для него была очевидна:

«Врач должен уметь оздоровить больную, часто патологическую психологию пациента. В этом залог успеха врача в борьбе с болезнью, которая должна уступить место здоровью, норме».

Эта проблема волновала его всегда, но особенно — в последние годы. Ведь в самом деле, не мог же он беспристрастно взирать на то, что происходило вокруг, оставаться бодрым, когда одолевают сомнения и посещают безрадостные мысли. Где уж тут взяться здоровому духу.

Здоровье уходило. Оставались тысячи дел, сотни взятых на себя обязательств. Справляться с ними Горькому помогал жадный интерес к жизни. Когда последняя болезнь все-таки приковала его к постели, он продолжал читать, думать. И с отстраненным любопытством наблюдать за собой — за тем, как уходит жизнь из тела. Не просто наблюдал — пытался слабеющей рукой записывать свои ощущения:

«Вещи тяжелеют книги карандаш стакан и все кажется меньше чем было... Крайне сложное ощущение. Сопрягаются два процесса: вялость нервной жизни — как будто клетки нервов гаснут — покрываются пеплом и все мысли сереют.

В то же время — бурный натиск желания говорить, ... чувствую что говорю бессвязно хотя фразы еще осмысленны...»

Натиск желания говорить — сообщать другим о том, что происходит с тобой, о процессах, которые, возможно, будут интересны для науки... А может, еще удастся встать со смертного одра и доосмыслить тот диалог со Смертью, в который довелось вступить самому?..

Певец активного противостояния человека природе, он старался вырвать у нее тайну старения, отодвинуть подальше, насколько можно, неизбежный финал... По его инициативе был даже создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины (превратившийся позднее в Академию медицинских наук).

Увы, дела в стране вовсе не были нацелены на то, чтоб сберечь и продлевать жизнь. Временами казалось — напротив — на то, чтоб сокращать ее.

В нормальное воображение абсолютно не укладывается то, что станет известно годы и годы спустя. Власть санкционировала плановое уничтожение людей (под видом борьбы с враждебными элементами) во всех регионах страны согласно так называемым расстрельным спискам. Наиболее ретивые администраторы на местах порой «с целью лишить жизни» даже просили верхи увеличивать «плановые задания».

Страну охватывала атмосфера всеобщего страха...

Впрочем, и к нему в самые последние годы подступало порой на мгновение леденящее сердце ощущение какой-то опасности... Отгонял прочь эти мысли. А они возвращались вновь...

И вот — его собственная смерть 18 июня 1936 года.

Она сразу породила свидетельства разной степени достоверности, всевозможные толки, догадки.

Поскольку наступила смерть во время болезни, некоторые утверждают: ничего таинственного нет, просто организм исчерпал свои жизненные ресурсы, болезни давно подтачивали здоровье писателя. Отсюда и неизбежный финал: смерть естественная.

Другие говорят: да, смерть пришла во время болезни, не стала ли болезнь единственной причиной ухода? Уж слишком много обнаружено фактов и событий, крайне отягчавших горьковскую жизнь в последние полтора-два года, включая в первую очередь совершенно неожиданную смерть сына Максима. Сразу после 18 июня современники заговорили об отравлении Горького властью.

И, наконец, третьи — люди, специально исследовавшие эту проблему. Подавляющее большинство из них убеждение заявляет: «Факт убийства Горького можно считать непереложно установленным».